

К этимологии русск. *безмѣн*

© 2025

Владимир Владимирович Напольских

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия;

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; vovia.nap@ya.ru

Аннотация: Удм. *bezmen* ‘безмен, весы’ может быть заимствованием из русск. *безмен* или из тат. *bizmān* ‘то же’. Тат., баш. *bizmān* имеют параллели лишь в карачаево-балкарском и кумыкском языках (*bazman* ‘весы, безмен’ с задним вокализмом). Предлагавшиеся ранее этимологии для тат., баш. *bizmān* и русск. *безмен* (от перс. **vaznān* ‘веса’ < араб. *wazn* ‘вес’, от араб. *mīzān* ‘весы’, от булг. **višmen* ‘весы’ < чув. *viš* ‘взвешивать’) встречают серьезные возражения и не могут быть приняты. Русск. *безмен* (*безмѣнь*) известно с рубежа XII–XIII вв., его старое значение ‘мера веса’ позволяет сопоставить его со словом, известным везде в тюркских языках Средней Азии, в карлукских, огузских и кыпчакских: *batman* ‘мера веса (разная для разных товаров)’ (с XVI в. известно и в русском). Кроме того, восстанавливается тюрк. **basman* / **bāšmān* ‘мера веса’, сохранившееся только в чув. *pasman(a)* ‘то же’ (и, возможно, в кумык., кар.-балк. *bazman*) и также заимствованное в русский. Этот вариант мог послужить источником (через болгарский) для русск. *безмен* (которое, как предполагается в этимологических словарях, подверглось переосмыслению в духе народной этимологии в связи с *безъ мѣнь*). Происхождение тюрк. дублета *batman* ~ **basman* / **bāšmān* связано с ролью иранских языков среднеазиатского региона в международной торговле в раннем Средневековье: *batman* заимствовано из согд. *p’īm’n* ‘мерка, мера’ (< **pati-mān* ‘(со)измерение’) в зоне влияния согдийского языка, а *basman* / **bāšmān* — хрз. *p’cm’n* ‘мерка, мера’ (с палатализацией **ti > c*) в зоне влияния хорезмийского языка, в Поволжье.

Ключевые слова: заимствования, иранизмы, иранские языки, русский язык, татарский язык, тюркизмы, тюркские языки, удмуртский язык, этимология

Благодарности: Исследование проводилось в рамках работы по гранту Российского научного фонда № 24-18-00148 «Этимологический словарь удмуртского языка (славянские, тюркские и среднеиранские заимствования)» (<https://rscf.ru/project/24-18-00148/>).

Для цитирования: Напольских В. В. К этимологии русск. *безмѣн*. *Вопросы языкознания*, 2025, 1: 136–147.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.1.136-147

On the etymology of Rus. *bezmen* ‘steelyard balance, weigher’

Vladimir V. Napolskikh

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Ekaterinburg, Russia; Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; vovia.nap@ya.ru

Abstract: Udmurt *bezmen* ‘steelyard balance, weigher’ may be a borrowing from Russian *bezmen* ‘steelyard balance’ or from Tatar *bizmān* ‘id.’. Tatar, Bashkir *bizmān* have parallels only in the Karachay-Balkar and Kumyk languages (*bazman* ‘steelyard balance’ with back vocalism). Previously proposed etymologies for Tat., Bash. *bizmān* and Russian *bezmen* (from Persian **vaznān* ‘weights’ < Arabic *wazn* ‘weight’, from Arabic *mīzān* ‘weigher’, from Bulgarian **višmen* ‘weigher’ < Chuvash *viš* ‘to weigh’) meet serious objections and cannot be accepted. Rus. *bezmen* is known since the turn of the XII–XIII centuries, and its old meaning ‘a weight measure’ allows one to compare it with the word known almost in all Turkic languages of Central Asia, in Karluk, Oguz and Kipchak: *batman* ‘weight measure (different for

different goods)’ (from the XVIth century also known in Russian). In addition, for the Turkic languages one can reconstruct **basman* / **bāsmān* ‘weight measure’, preserved only in Chuvash *pasman(a)* ‘id.’ (and possibly in Kumyk and Karachay-Balkar *bazman*) and also borrowed into Russian. Turk. **basman* / **bāsmān* could be the source (via Volga-Bulgarian) for Rus. *bezmen* (which, as suggested in etymological dictionaries, has been reinterpreted according to folk etymology as *bezmen*). The origin of the Turkic doublet *batman* ~ **basman* / **bāsmān* is due to the role of the Iranian languages in international trade in the early Middle Ages in Central Asia: *batman* was borrowed from Sogdian *p’tm’n* ‘measure’ (< **pati-mān* ‘(co-)measurement’) in the zone of influence of the Sogdian language, and *basman* / **bāsmān* come from the Khwarezmian *p’cm’n* ‘measure’ (with palatalization **ti > c*) in the zone of influence of the Khwarezmian language, in the Volga region.

Keywords: etymology, Iranian, Iranisms, loanwords, Russian, Tatar, Turkic, Turkisms, Udmurt

Acknowledgements: The grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00148 (<https://rscf.ru/en/project/24-18-00148/>) is gratefully acknowledged.

For citation: Napolskikh V. V. On the etymology of Rus. *bezmen* ‘steelyard balance, weigher’. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 1: 136–147.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.1.136-147

*І хто на адведы, а хто на радзіны
Вазіць караваі на дзье паўасьміны!
Адам Русак «Бывайце здаровы»*

Работа над этимологией удмуртских слов нередко выводит на очень далекие параллели и дает возможность прояснить запутанное происхождение широко распространенных в других языках терминов, возникших в ходе длительных и сложных языковых и культурных взаимодействий. В данной статье рассматривается тривиальное на первый взгляд позднее заимствование: удм. (сар., ю.) *bezmen* ‘безмен (рычажные неравноплечные весы с передвижной гирей), ручные весы’, которое может восходить как к русск. *безмен* ‘тж’ [Алатырев 1988: 162], так и к тат. *bizmān* ‘тж’ [Csúcs 1990: 127], — в обоих случаях соответствия системны, и фонетических критериев определения языка-источника нет. Важнейшее значение приобретает решение вопроса о происхождении русского и татарского слов, которые представляют собой давно рассматриваемую разными исследователями тюркских и славянских языков проблему. Русское и татарское названия безмена очевидно связаны между собой, и мнение Ш. Чуча о татарском происхождении удмуртского слова базируется на «приоритете» татарского *bizmān* (русск. *безмен* рассматривается при этом как татарское заимствование вслед за [VEWT: 73]), поскольку для него существует предложенная М. Рясняном этимология: тат. *bizmān* из перс. **vazn-ān* ‘веса́’ (мн. ч. от وزن [vazn] ‘вес, размер’ < араб., здесь *-ān* — персидский суфф. мн. ч.), при этом существование гипотетического (см. ниже) перс. **vaznān* пытаются поддержать отсылкой к осм. *vāznā* ‘вес, маленькие весы’ (< перс. < араб.) [VEWT: 73, 527]. Этимология М. Рясняна принимается как возможное объяснение русск. *безмен* и русистами (в [ЭСРЯ, I: 144–145] с сомнением — М. Фасмер предпочитает скорее болгарский источник (**vis-men*, см. ниже), а в [РЭС, III: 46–47] с большей степенью вероятности), и здесь, видимо, имплицитно предполагается татарское посредство между персидским и русским. Важно, что в русских (древнерусских) источниках фиксируется старая форма *безмѣнь* и отсутствует форма с *ѣ*, что указывает на переосмысление этого слова в духе народной этимологии в связи с *безъ мѣнь* ‘без меры’ (напрямую принять такую этимологию русского слова невозможно) [ЭСРЯ, I: 145; РЭС, III: 47].

Адаптация перс. **vaznān* в тат. *bizmān* также вызывает некоторые проблемы. Во-первых, обычно **v*-персидских и **w*-арабских заимствований передается в татарском как *w*- (среди более 400 слов на литеру *б*- в [ГТРАС, I: 20–48] нет ни одного с анлаутным *з* в источнике), поэтому следует предполагать какую-то дополнительную причину такого перехода.

Во-вторых, развитие *-nān > -mān* возможно, только если предположить выравнивание вокализма по первому слогу и, например, уподобление второй части слова тюркскому словообразовательному суффиксу *-mVn*. Наконец, версия М. Рясняна едва ли может быть принята, потому что нормативная форма мн. ч. от *vazn* образуется в персидском по арабской модели (поскольку слово арабское): وزن [āwzān] [ПРС, II: 700]. Перс. суфф. ان [-ān] образует формы мн. ч. в основном от одушевленных существительных, и если уж предполагать персидское мн. ч. для وزن [vazn], то скорее с другим суфф. мн. ч. — ها [-hā] [Рубинчик 2001: 109–111, 116]¹. Теоретически форма وزن [vaznān] в персидском возможна, однако это никем показано не было. Опыт изучения слов арабского и персидского происхождения в татарском показывает, что арабские формы мн. ч. заимствуются скорее без подобных персидских трансформаций (ср., например, тат. *ärvaḡ* ‘души (в особенности души умерших)’ (> удм. (ю.) *arvak* ‘жадный, голодный’) < араб. ارواح [arwāḥ], мн. ч. от روح [rūḥ] ‘душа’ [ТТЭС, I: 137; ГТРАС, II: 741]). Осм. *vāznā* ‘вес, маленькие весы’ (в современном турецком также ‘касса’) представляет собой заимствование из перс. وزنه [vazne] (< араб.) или напрямую из араб. وزنة [wazne] ‘гиря’ [Stachowski 2019: 345; ПРС, II: 700; APC: 1126]) и не может служить подтверждением существования перс. **vaznān*. При таких сложностях этимология М. Рясняна возможна, будь она идеальной хотя бы в плане семантики, но и тут не все гладко: тат. *bizmān* и его параллели в башкирском и др. языках (см. ниже) не несут никаких следов общего значения ‘вес, взвешивать’ и т. п., обозначая даже не просто весы, а их особый тип, безмен. Если все же предполагать, что в прежние времена *bizmān* означало ‘вес’ > ‘весы вообще’, то такое заимствование выглядит плеоназмом, поскольку в татарском есть старое общее наименование весов: *ülčäü* (< тюрк. **ölčä* ‘мерить, измерять’ [ТТЭС, II: 369] — см. ниже).

М. Ряснян (цит. по [ЭСРЯ, I: 145]) сначала рассматривал еще один вариант этимологии русск. *безмен*, предполагая, что это слово могло быть заимствовано из булг. **viš-men*, которое он реконструировал на базе чув. *viš* ‘взвешивать, мерить; снимать мерку’, *viže* ‘весы; мера, мерка’ и словообразовательного суфф. *-men*, и именно этой этимологии отдавал предпочтение М. Фасмер [ЭСРЯ, I: 145]. Данная гипотеза выглядит даже хуже, чем возведение русского слова к перс. **vaznān*: булг. **viš-men* вновь является чисто умозрительной (ре)конструкцией; чув. *viš*, *viže*, как и тат. *ülčäü* ‘весы; взвешивать’, восходит к тюрк. **ölčä* ‘мерить, измерять’ [ЭСЧув, I: 125–126] и является проблемой, могла ли образоваться форма **viš-* уже к XII в., когда это слово должно было попасть в древнерусский; необходимо объяснить и переход *v- > b-*. Эта этимология является настолько натянутой, что сам автор в более поздних работах ее уже не упоминает, ограничиваясь исключительно версией о перс. **vaznān* (см., например, [VEWT]).

Важно, что в тюркских языках (если не считать поздних явно русских заимствований) рассматриваемое слово встречается, помимо татарского, видимо, только в новоуйг. *bāzmān* ‘весы-безмен’ и в кумыкском и карачаево-балкарском: *bazman* ‘весы-безмен’ (в отличие от татарского и новоуйгурского — с задним вокализмом, что также требует объяснения) [VEWT: 73; УйгРС: 46; КумРС: 41] и, естественно, в башкирском языке. Форма башк. *bizmān* ‘весы, безмен’ [БТАһ, II: 258] совпадает с татарской (по-видимому, такая же форма фиксируется и в башкирских диалектах, поскольку ничего другого в диалектологических источниках не обнаруживается), что могло бы свидетельствовать об очень позднем времени появления этого слова в башкирском, поскольку в старых словах тат. *z ~ башк. ḍ*, но, видимо, в кластере типа *-zm-* такой переход не происходил². Вероятно, именно в связи с этим обстоятельством авторы «Академического словаря башкирского языка» предлагают рассматривать башк. *bizmān* как (позднее) арабское заимствование: из араб. ميزان [*mīzān*] ‘весы; мерило; мера, баланс; вес’ (то же в перс. < араб.) [БТАһ, II: 258; ПРС, II: 588; APC:

¹ Именно так выглядит перевод русск. *весы* на персидский (وزنه [vaznehā]) и на таджикский (вазҳо), см. <https://translate.yandex.ru>.

² Благодарю рецензента статьи за указание на этот факт.

1125] — производного от того же араб. корня وزن [wazn] ‘вес, размер’, от которого М. Ряснен образовывал перс. *vaznān. Следует сказать, что это решение в целом выглядит изыскнее этимологии М. Ряснена: здесь, по крайней мере, источником является реальное слово, почти совпадает значение и объясним вполне естественный переход *m- > *b*- в башкирском и татарском. Противоречивость предлагаемого в [БТАһ, II: 258] решения состоит в том, что если в этом слове видеть «ученое» заимствование из арабского с сохранением фонетики оригинала, то едва ли годится предположение о народно-этимологическом переосмыслении второго слога (в связи с тюрк. -*mVn*), а если это все-таки народное обиходное слово (что скорее надо предполагать для торгового технического термина), то непонятно сохранение *z (вместо *z > *ð*) в башкирском (в данном случае — уже не в кластере -*zm*- (см. выше), а изначально в интервокальном положении). Самое же главное то, что араб. *mīzān* было заимствовано в татарский, башкирский и кумыкский языки и везде сохранило свой фонетический облик: *mizan* ‘весы; созвездие Весы’ [TPC, II: 41; БТАһ, VI: 280; Уй-ГРС: 124; КумРС: 210] (данное заимствование, в отличие от *bizmān* < *vaznān (см. выше), плеоназмом не выглядит, потому что является астронимом³).

Таким образом, тат., башк. *bizmān*, новоуйг. *bāzmān*, кумык., кар.-балк. *bazman* не выглядят как очень старые слова, не обнаруживают правильных фонетических соответствий и, по-видимому, не имеют хорошей этимологии. С другой стороны, в (древне)русском языке *безмен* фиксируется очень рано, с XII в. (Студийский устав из Синодального собрания ГИМ, список которого датируется сегодня XII в., а перевод, возможно, XI в.) [СДРЯ, I: 128]⁴, из русского языка оно активно заимствовалось в разные языки народов России, а также в польский, литовский, латышский, немецкий и скандинавские языки [ЭСРЯ, I: 144–145; РЭС, III: 47; ЭСЧув, I: 435]. Сами по себе эти факты не препятствуют принятию гипотезы о происхождении русск. *безмен* из персидского или арабского через татарское (кыпчакское) посредство, но заставляют внимательнее отнестись к альтернативной версии — о русском заимствовании в кыпчакские языки (наиболее решительно и внятно эта гипотеза представлена в [Адягаши 2005: 69–70]). Особенно эта версия интересна потому, что др.-русс. *безмѣнь* при первом своем упоминании [СДРЯ, I: 128] и позже во многих текстах выступает в значении ‘мера веса’ (как минимум с XVI в. известно, что *безмен* составлял примерно два с половиной фунта, ¼ пуда⁵) [СДРЯ, I: 128; Срезневский, I: 60; РЭС, III: 46–47], и только с XVI–XVII вв. — в «инструментальном» значении ‘весы’ (как можно предположить, более позднем) [Срезневский, I: 60; СлРЯ, I: 115]. Для тат., башк. *bizmān*, кумык., кар.-балк. *bazman*, новоуйг. *bāzmān* значения ‘мера веса’ словари не дают [TPC, I: 238; БТАһ, II: 258; КумРС: 41], эти слова обозначают только особый вид весов. Такая картина свидетельствует скорее о позднем заимствовании кыпчакских и новоуйгурского слов в узкоспециальном значении и о более сложной и длительной истории русского слова.

Стоит, вероятно, учитывать и историко-культурные обстоятельства распространения обозначаемой данным термином реалии. Имеются документальные (археологические, иконографические и письменные) свидетельства существования неравноплечных весов-безмена в древнем Вавилоне, в Индии с IV–III вв. до н. э., активного его использования с глубокой древности в Китае (где он, видимо, был до Нового времени основным

³ Значение ‘созвездие Весы’ не отмечено только в уйгурском словаре.

⁴ Фрагмент новгородской берестяной рукописи № 1046 (сер. XII в.) содержит последовательность [./]езмѣнь, которую трудно трактовать иначе, чем *безмѣнь* (А. А. Гиппиус, личное сообщение). Благодарю А. А. Гиппиуса также за указание на современную датировку Студийского устава.

⁵ По-видимому, весьма популярная мера веса и объема, сохранявшаяся в хозяйственном обиходе и вошедшая в текст знаменитой песни Адама Русака, вынесенный в эпиграф: бел. *дзве паўасьміны* здесь вряд ли соответствует русской *осьмине* (более 100 л и более 28 кг ржи) — трудно себе представить каравай такого размера, скорее под *паўасьміна* имеется в виду половина восьмой доли пуда (то есть возить будут караваи примерно в 2 кг веса), чему и равняется др.-русс. *безмѣнь*.

типом весов⁶). В Древней Греции безмен появляется как минимум с III в. до н. э. (в Египте и на Крите преобладали равноплечные весы с двумя чашами, которые были, видимо, более широко распространены и у греков), с рубежа III–II вв. до н. э. безмен (*statera*) известен римлянам и приобрел у них такую популярность, что в Европе до сих пор такой тип весов именуется «римским» (англ. *Roman balance*, нем. *römische Waage*), использовался безмен и в Византии. Арабам уже в раннем Средневековье были известны весы разных типов, в том числе и безмен. На Руси безмен фиксируется археологически по крайней мере с XII в. в Новгороде, Киеве и Рязани [Пипуныров 1955: 12–13, 23–25, 33–38, 51–56, 59–63, 81–83]. Таким образом, распространение интересующего нас термина в значении ‘весы-безмен’ вряд ли связано с изобретением этого приспособления, скорее следует думать о распространении определенного типа безмена, центрах производства таких весов. Здесь можно принять во внимание большую популярность безмена в базарной торговле в Российской империи до начала XX в.: несмотря на запрет Петром I использования простого безмена по причине его малой точности и хороших возможностей обвеса, безмены активно производились в России на протяжении всего XIX в., особенно популярны были лифляндские и калужские безмены, имевшие хождение по всей империи [Жуков 2010]. В русском крестьянском обиходе широко были распространены и деревянные безмены [Петрашин 2019]. Эти обстоятельства и могли послужить причиной заимствования русского названия неравноплечных весов в тюркские языки.

Старое значение русск. *безмен* ‘мера веса’ принципиально важно, поскольку оно выводит нас на целую семью слов преимущественно тюркских языков, привлечение которых позволяет в конце концов сделать приемлемые предположения о происхождении русского слова.

В первую очередь следует учесть чув. *pasma / pasman / pasmana* ‘старая мера весов в 4 пуда’ [ЧРС: 273; ЭСЧув, I: 389], *pasma / pasman* ‘старинная мера, приблизительно равная четырем пудам’, *pasmana* ‘тж; четыре пудовки; около 100 кг; кадка’ (судя по контекстам — преимущественно мера зерна) [Ашмарин СЧЯ, IX: 120] (при этом чув. *pismen* ‘безмен (весы)’ заимствовано из русского [ЭСЧув, I: 389, 435]). Далее в чувашском находим *patman* ‘пудовка, мера веса в 10 фунтов (1/4 пуда)’ [ЭСЧув, I: 390; Ашмарин СЧЯ, IX: 134] или ‘мера веса равная полутора пудам’ [ЧРС: 274]. Трудно отказаться от мысли, что чув. *pasman(a)* и *patman* связаны друг с другом и с русск. *безмен*, что, собственно говоря, и предполагают авторы многих этимологических словарей (см. ниже), но вызывает недоумение странное соответствие $s(z) \sim t$ и многообразие значений, требующее объяснения. Чув. *patman* ‘пудовка, мера веса в 10 фунтов (1/4 пуда)’ имеет параллели в тат. *batman* ‘мера веса’ и далее — в тюркских языках Средней Азии и Восточного Туркестана и практически во всех кыпчакских, огузских и карлукских языках, с первым упоминанием у Махмуда Кашгарского в XI в. [ЭСЧув, I: 390; VEWT: 65; Севортян 1978: 81]⁷ (фонетически чув. *patman* выглядит скорее как заимствование из татарского).

⁶ Кит. 秤, 秤子 *chèng(zì)*, 杆秤 *gǎnchèng* ‘безмен, неравноплечные весы’ (букв. ‘рычажные, стержневые весы’), 衡 *héng* ‘коромысло, безмен’, 稱 *chēng* ‘весы’. Иероглиф 稱 состоит из 禾 ‘хлеб в зерне’ (взвешиваемое), 扌 < 爪 ‘когти’ (рука, держащая весы) и 艹 совр. ‘медленно’ (этот знак здесь представляет собой результат поздней стандартизации, а в древности был, вероятно, рисунком самого орудия) — судя по такой структуре иероглифа, он изначально изображал ручные весы без чаш, скорее всего, именно безмен. Китайские безмены наверняка использовались на рынках Средней Азии, но эти китайские слова не могли послужить источником для рассматриваемых в статье тюркских названий безмена, поэтому заслуживающей внимания остается только версия о распространении русского термина.

⁷ Напрямую сравнивать чув. *pasman(a)* с тюрк. *batman*, а *batman* — с *bāzmān*, объединяя их в одно этимологическое гнездо, как это делал, например, М. Ряснян [VEWT: 65], невозможно: соответствие $s(z) \sim t$ совершенно нетривиально и требует специального объяснения.

Значение тат. *batman* хорошо отражено в словарях, что позволяет решить проблему упомянутого разноречия значений русск. *безмен* и чув. *pasman(a)* и *patman*: татарское слово означает старую меру веса примерно в 10–11 фунтов ($\frac{1}{4}$ пуда) меда, приравняваемых по цене к 40 фунтам (1 пуд) масла и 4 пудам ржи при уплате податей и в торговле, а также меру земли, засеваемую теми же 4 пудами ржи (около $\frac{1}{4}$ десятины, примерно 25–30 соток); дополнительными (и важными для выявления изначальной семантики) значениями в татарском являются ‘высокая кадка из полого ствола дерева для меда или другая посуда соответствующего объема’, диал. ‘пахталка, кадушка для ручной маслобойки’ (обычно имевшая цилиндрическую форму) [TPC, I: 206–207; ТТЗДС: 103; ТТЭС, I: 164]. Таким образом, термин *batman* использовался в татарском для сопоставимых по цене объемов ходовых товаров: зерна, меда, масла, конкретный вес которых, естественно, различался и которые отмерялись специальными сосудами, имеющими цилиндрическую форму. Аналогичная картина обнаруживается и в других тюркских языках: *batman* означает разные единицы веса от 1 фунта до 26 пудов, причем в ряде языков специально выделяется исчисляемый такими мерами материал: шерсть или сыпучие товары; в киргизском и узбекском языках этим же словом обозначалась единица площади, засеваемая определенным количеством зерна; в ряде языков оно обозначает разные типы посуды или тары, а в (ново)уйгурском зафиксировано значение ‘весы’ [Севортян 1978: 81] (последнее, возможно, — под влиянием русск. *безмен* > новоуйг. *bāzmān*).

Тюрк. *batman* было заимствовано в русский: *батман* (в основном в Поволжье от Твери до Астрахани, также в новгородских, архангельских и уральских говорах) ‘азиатский вес, весьма разнообразный; единица измерения веса различной величины (от полтора фунтов до 26 пудов; впервые в XVI в. — 10 фунтов); мера веса (в Средней Азии, на Каспии⁸)’; на русской почве возникло значение ‘связка лука или чеснока, обычно 120 луковок, сплетенных так, что 30 луковок составляют длину, а 4 — ширину плетенки’ [ЭСРЯ, I: 134; РЭС, II: 272; СРНГ, II: 144]. Для понимания изначального значения слова (см. выше) важны примеры из русских диалектов, когда батман зерна содержит в разных местностях разное количество пудов, батман соли (тамбовское) — 10 фунтов (четверть пуда), батман меда (новгородское) — 14 фунтов, а батман золы (без указания места) — 10 четвериков, т. е. уже не вес, а объем — около 26 литров [СРНГ, II: 144]. Интересно, что в русском, как и в чувашском, есть вариант с *s* на месте *t*: русск. (XVII в.) *басман* ‘связка лука или чеснока весом в один батман’, относительно которого предполагается заимствование ‘из тюркского источника, близкого чув. *pasma*, *pasman*, *pasmana* ‘мера веса’» [РЭС, II: 252]⁹.

Таким образом, имеется зафиксированное с XI в. тюрк. *batman* (широко представленное в языках среднеазиатского ареала и распространившееся с кыпчакскими и огузскими языками за его пределы), обозначавшее весовую единицу, соответствующую определенному объему или стоимости ходового товара (зерна, соли, меда, шерсти и т. п.), и более редкий вариант, вероятно, того же торгового термина **bāzmān* (возможно даже

⁸ Такая привязка к Средней Азии и Каспию очень важна в свете происхождения тюрк. *batman* — см. ниже.

⁹ Здесь появляется желание рассмотреть возможность сопоставления данных слов с русск. *пасмо* ‘определенная часть мотка пряжи’ (< слав. [ЭСРЯ, III: 212]) и тат. *basma* ‘пасмо, единица измерения ниток (шестьдесят ниток в срезе семивершкового пасма или сорок две нитки в срезе десятивершкового пасма) и холста’ (отсюда, возможно, — развитие в ‘связка лука’), чув. *pusta* ‘хлопчатобумажная ткань’, и далее, может быть, с тат. *basa*, чув. *puža* ‘посконь, мужская конопля’ (полагаю, эту группу слов следует отделять от русск. *басма* ‘знак монгольских ханов’, болг. *басма* ‘набойная ткань’ и др. < тюрк. (тат. и др.) *basma* ‘печать, отпечатанный, набойная ткань’ < *bas* ‘давить, надавливать, наступать’) [ЭСРЯ, I: 212; TPC, I: 203; ЭСЧув, I: 448–451; ТТЭС: 162; VEWТ: 64], в которых, видимо, также имело место взаимное влияние тюркских и русского языков, но это тема отдельного исследования. Для нашей работы достаточно предположить возможность появления чув. формы *pasma* и значения ‘связка лука’ под влиянием контаминации с этими словами.

bäsmän — см. ниже), представленный только в чувашском языке (*pasman(a)*; чув. *a* в старых словах формально должно восходить к **ä*). Предполагать, что восстанавливаемое по чувашским данным **bäsmän* могло быть прямой праформой тат., башк. *bizmän*, новоуйг. *bäzmän* достаточно сложно: в норме такого озвончения не происходило, поэтому гипотеза о русском происхождении этих названий весов-безмена остается единственной приемлемой. Кроме того, остается неясным задний вокализм в кумыкском и карачаево-балкарском *bazman* ‘весы-безмен’: ни из тюрк. **bäsmän*, ни из русск. *безмен* такая форма не должна была образоваться, и этому нужно дать объяснение.

Оба эти слова (*batman* и **bäsmän*) были не позднее XVI в. заимствованы в русский язык (*басман* ‘связка лука или чеснока’ — скорее окказионально). С этими словами можно связывать и происхождение др.-русск. *безмѣнь*, русск. *безмен* ‘мера веса; весы-безмен’ — прежде всего благодаря раннему значению русского слова ‘мера веса’ и возможности реконструировать тюрк. **bäsmän* с *s* (> *z*) на месте *t* в *batman*: тюрк. (булгарское?) **bäsmän* в более раннее время (не позднее начала XII в.) могло быть заимствовано в древнерусский язык, где дало форму *безмѣнь* — скорее всего, под влиянием народной этимологии (*безъ мѣнь*) и было затем заимствовано в позднем специальном значении ‘весы, безмен’ в татарский, башкирский (*bizmän*), чувашский (*pismen*) и новоуйгурский (*bäzmän*) языки. В целом эти данные могут быть представлены в виде схемы:

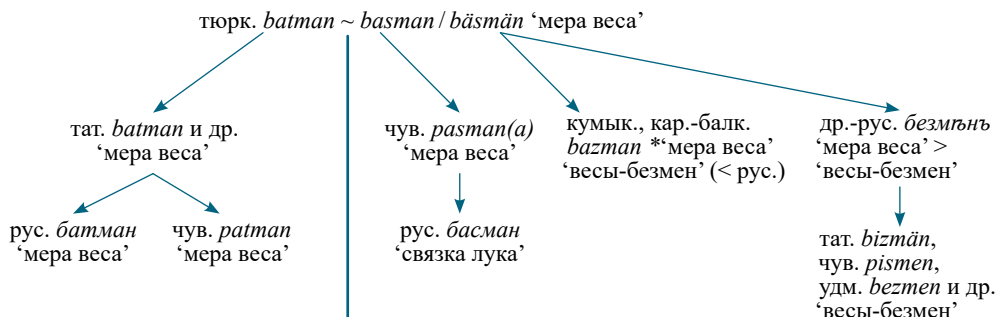

Рис. Общая схема происхождения слов *батман* ~ *басман* ~ *безмен*

В этой схеме проблемой остается прежде всего этимология тюрк. *batman* ~ **bäsmän* и странное соответствие *t* ~ *s* в этой паре, которое не имеет объяснения в тюркской фонетике.

Как показано выше, попытки связать происхождение этих слов вслед за М. Рясяным с реконструированным персидским производным от араб. *wazn* ‘вес’ [VEWT: 65, 73; Севортян 1978: 81–82; РЭС, II: 272, III: 47], а равно и с араб. *mīzān* ‘весы’ [БТАн, II: 258] встречают целый ряд существенных возражений и не могут быть приняты. Думаю, путаница с объяснением этих слов возникала именно потому, что связь русск. *безмен* с тюрк. *batman* пытались проследить исключительно через этимологию М. Рясянена, не учитывая чув. *pasman(a)* < **bäsmän*¹⁰. Старое предположение о происхождении тюрк. *batman* от тюрк. *bat* ‘опускаться, погружаться’ [ЭСРЯ, I: 134] не очень ясно семантически (на самом деле *bat* означало ‘входить во что-либо; погружаться’ [Севортян 1978: 77], что еще более усложняет объяснение) и является скорее народной этимологией [РЭС, II: 272], а самое главное — не решает проблемы, поскольку никак не объясняет появление формы **bäsmän*.

Между тем решение проблемы существует. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что центром распространения слова *batman* является ареал культурного

¹⁰ Это предлагал, например, К. Локоч (русс. *безмен* с народной этимологией из тюрк. *batman*) [Lokotsch 1975: 23], на мнение которого ссылаются М. Фасмер и А. Е. Аникин, но он не учитывал тюрк. **bäsmän*, что делало его этимологию малопримемой.

и торгового влияния Согдианы и Хорезма, где языками торговли и международного общения в раннем Средневековье были соответствующие иранские языки. Для тюрк. (уйг.) *batman* была предложена этимология из предполагаемого согд. **ptm'n* 'мера, мерка' [von Gabain 1973: 63]. А. фон Габен не пояснила, как она реконструировала искомый согдийский этимон, но ее реконструкция совершенно оправданна. Это слово мне не удалось найти в согдийских словарях, но там есть *ptm''k*, *ptm'k* 'мера, мерка; измерение, количество' (перс. 'پیمانه', 'اندازه') < **pati-māu* букв. 'противо-мерить, соизмерять' и *ptm'nh* 'договор, контракт' (по-видимому, **соизмерение* > 'соглашение, договор') [Gharib 1995: 312], отглагольное существительное от этой основы могло быть образовано на *-n*, как, видимо, и предполагала А. фон Габен. Точное соответствие для согд. **ptm'n* 'мера' есть в пехл. *pat-mān* 'мера, мерка' (значение восстанавливается из контекста в переводе Авесты) и далее в перс. پیمانه [peymāne] 'мерка, мера (для жидкости или для зерна)' (от پیمودن [peymudan] 'мерить, измерять, отмеривать' [ИПС, I: 336]) < **pati-mān* [Horn 1893: 80–81; Bartholomae 1904: 1166] и в хорезмийском (см. ниже). Для тюрк. *batman*, таким образом, согдийское или, по крайней мере, среднеиранское происхождение можно считать доказанным: эта этимология не встречает ни фонетических, ни семантических возражений. Остается проблема тюрк. **bāsmān*.

Ее решение также требует учета роли иранских языков в средневековых культурных и торговых отношениях в Средней Азии и Поволжье. Источник тюрк. **bāsmān* следует видеть в хрз. *p'cm'n* 'мерка, мера' (от того же **pati-mān* с хорезмийской палатализацией; ср. также хрз. *p'cm'nyk* 'вес', *pсmу* 'измерять, взвешивать' < **pati-māu* [Benzing 1983: 491, 513]). Реальное фонетическое качество хорезмийского *c* (орфограф. خ) не совсем ясно; считается, что эта буква передавала глухую переднеязычную аффрикату типа русск. *ц* [Эдельман 2008: 12, 15–17]. При заимствовании в тюркские языки хрз. *c*, если оно уже утратило фонетическую мягкость (как совр. русск. *ц*) и произносилось в данном кластере со слабой смычной компонентой (**'c*), могло быть адаптировано как *s*. В чувашском (и в болгарском) при сохранении ясной (и тем более палатальной) аффрикаты в хорезмийском произношении можно было бы ожидать и **bācsmān* > *bāsmān* > чув. **paśman*, но развитие формы *pasman(a)* объяснимо депалатализирующим влиянием *-m-*: этот звук почти не смягчается в чувашском (ср. варианты даже в относительно позднем татаризме чув. *ismasa*, (диал.) *ismasa* 'хотя бы, по крайней мере' < тат. *ičmasa* 'тж'). Не совсем ясен вокализм: учитывая выписанные в хрз. *p'cm'n* алифы, следует думать, что это слово произносилось скорее как **pa'smān* (или даже **pa'zsmān* — с озвончением аффрикаты перед *m*; в первом слоге этимологически был краткий *a*, и долгота здесь, по-видимому, сугубо орфографическая), и передний вокализм в болгарском не совсем понятен. В связи с этим уместно вспомнить кумык., кар.-балк. *bazman*: если значение 'весы безмен' действительно развилось здесь под русским влиянием, эти слова с заднеязычным вокализмом выглядят как прямое и правильное продолжение хрз. **pa'zsmān*. В таком случае чув. *pasman(a)* можно рассматривать как заимствование из хорезмийского через посредство кыпчакских языков¹¹. В принципе именно такой вокализм (чув. *a* на месте перс., араб. *a*, *ā*) демонстрируют арабские и персидские заимствования в чувашском, которые принято считать «поздними» и попавшими в чувашский через татарское посредство (чув. *paśša* 'царь', *paḥša* 'огород' и т. д.) [Scherer 1977: 25, 48]. Поскольку практические все арабизмы и персизмы чувашского имеются также и в татарском языке, такое объяснение является удобным *ad hoc*. Остается, однако, проблемой, как именно датировать эти «поздние» заимствования: интересующий нас хорезмийский термин должен был оставаться в ходу как минимум до монгольской катастрофы XIII в., а возможно и позднее, и совершенно не исключено, что в это время чувашский (болгарский) переход **a > u* (/ā) уже не работал

¹¹ Впрочем, возможно, что кумык., кар.-балк. *bazman* все-таки являются поздними заимствованиями в конечном счете из русского, а странный вокализм объясняется посредством осетинского языка: осет. *bazman* 'безмен' [РосС: 25] (< русск.).

(учитывая особенно, что речь идет о языке торговли, формы которого могли быть особыми и поддерживаться, например, активным использованием там же и кыпчакской речи). Следует также заметить, что едва ли не единственное персидское заимствование, которое несомненно проникло в болгарский достаточно рано и попало под старый болгарский (чувацкий) переход **VdV > VrV*, также не содержит сужения в *u*: перс. آدینه [adīne] ‘пятница’ > чув. *erñe*, (диал.) *arñä* ‘неделя’ (при тат. *atna* ‘неделя’) [ЭСЧув, II: 480–481]. Возможно, гласный первого слога в хрз. **paʔzmān* звучал со сдвигом вперед: как уже указано выше, этимологически *a* первого слога — краткий, и в иранских языках (в персидском, осетинском и др.) он часто артикулируется ближе к *ä*, к тому же палатализирующий эффект могла оказать аффриката, восходящая к **-ti-*. В целом гипотеза о происхождении чув. *pasman(a)* от хрз. *pʻcmʻn* не встречает принципиальных возражений, проблемой остается возможность реконструкции промежуточной (болгарской) формы **bāsmān* / **bāsmān*, которая ближе к др.-русс. *безмѣнь*, хотя объяснение появления последнего вследствие народной этимологии возможно и через **basman*.

Реконструкция булг. **bāsmān* / **bāsmān* может иметь поддержку в удмуртском и марийском языках: удм. *besmen* (ю. *bišmen*, *bičmen*) ‘межа, граница (полей, покосов); конец звена в изгороди’, мар. *pāšman*, (г.) *pāsmān* ‘межа между полосами пахоты’ [УдмРС: 46; Борисов 1991: 30; TschW: 584], которые не имеют этимологии; предположение В. И. Алатырева о связи их с русск. *безмен* и чув. *pismen* (< русск.) ‘весы-безмен’ семантически крайне натянуто и вызывает фонетические возражения (в норме ожидалось бы чув. *s* > мар. *š*, русск. *з* > удм. *з*) [Алатырев 1988: 173]. Если предположить в качестве источника удмуртского и марийского слов булг. **bāsmān* / **bāsmān* (< хрз. *pʻcmʻn*) ‘мера веса’, которое могло аналогично тюрк. *batman* (см. выше) выступать в значении ‘площадь поля, засеваемая определенным количеством зерна’ > ‘границы поля’, то и семантика, и фонетика оказываются практически безупречными (булг. *ś* > удм. *ś* (ю. *ć*), мар *s*; форма с *s* в удмуртском может быть результатом депалатализации подобной чувашской или заимствованием более позднего времени). Думаю, этот аргумент позволяет достаточно надежно реконструировать развитие хрз. *pʻcmʻn* > булг. **bāsmān* / **bāsmān* > чув. *pasman(a)* (с депалатализацией в кластере с *-m-* и, возможно, под влиянием кыпчакских форм типа *bazman*).

Таким образом, можно полагать, что хрз. *pʻcmʻn* (**paʔzmān*) ‘мерка, мера’ было заимствовано в болгарский и, возможно, в кыпчакские диалекты в форме **bāsmān* / **basman* (> чув. *pasman(a)*, кумык., кар.-балк. *bazman* соответственно) в ходе интенсивных торговых и культурных контактов между Хорезмом и Поволжьем в эпоху ранней Волжской Булгарии (IX–XII вв.) — см. об активной болгаро-хорезмийской торговле и роли в становлении Волжской Булгарии Великого Волжского торгового пути в Хорезме, о распространении ислама и среднеазиатского (хорезмийского) конфессионизма *бессермены* из Хорезма в Волжскую Булгарию в X в., даже о сходстве пород скота в Волжской Булгарии и Хорезме и т. д. [История татар, II: 112–113, 127–129, 246, 311–312].

Возникновение тюркского дублета *batman* ~ **bāsmān* / **basman* связано, видимо, с разной исторической ролью согдийского и хорезмийского языков. Первый играл ведущую роль в среднеазиатской торговле, обслуживая рынки Среднеазиатского Междуречья и Восточного Туркестана вплоть до Китая и Ирана, — отсюда широкое распространение согдийского технического термина *batman* в тюркских языках Средней Азии и далее. Второй выступал как язык-посредник между Средней Азией и Поволжьем, прежде всего Волжской Булгарией, вследствие чего тот же технический термин в хорезмийской огласовке проник в болгарский язык (> чув. *pasman(a)*), возможно — в какие-то кыпчакские диалекты (кумык., кар.-балк. *bazman*) и (скорее всего, через болгарский) в древнерусский язык (**bāsmān* > *безмѣнь*), а в Новое время русское название весов-безмена широко распространилось в том числе и в тюркских языках (тат., башк. *bizmān* и др.), и в удмуртском (*bezmen*).

В данном случае перед нами история специального термина, активно функционировавшего в языке восточного базара и трансконтинентальной торговли, междтюркского лингва франка, в формировании лексики которого участвовали китайский, восточноиранские,

персидский, тюркские (булгарский, карлукские, огузские и кыпчакские) языки, позднее — русский. Именно таким смешением и активным взаимодействием разных языков объясняются не всегда тривиальные соответствия в фонетике, сложное развитие семантики, широкое распространение и непростые исторические пути рассматриваемых слов (подобную историю имеют, например, названия денежных и мерительных единиц: тюрк. *manat, som*, русск. *аршин, алтын, гривенка* > тюрк. *gırābānkā* ‘фунт’ и т. п.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

араб. — арабский	пехл. — пехлеви
башк. — башкирский	русск. — русский
бел. — белорусский	сар. — сарапульский диалект удмуртского языка ¹²
болг. — болгарский (славянский)	слав. — праславянский
булг. — булгарский (тюркский)	согд. — согдийский
др.-русск. — древнерусский	тат. — татарский
кар.-балк. — карачаево-балкарский	тюрк. — тюркский (общетюркский)
кит. — китайский	удм. — удмуртский
кумык. — кумыкский	уйг. — староуйгурский
мар. — марийский (г. — горный)	хрз. — хорезмийский
новоуйг. — новоуйгурский	чув. — чувашский
осм. — османский (старотурецкий)	ю. — южное наречие (собственно южный и периферийно-южный диалекты) удмуртского языка
перс. — персидский	

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АРС — Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957.
- Ашмарин СЧЯ I–XVII — Ашмарин Н. И. *Словарь чувашского языка. Ываш сӓмахӓсен кӓнеки. The saurus linguae tschuvashorum*. Вып. I–XVII. Казань; Чебоксары: Нар. комиссариат просвещения ЧувАССР, 1928–1950 (2-е изд. Чебоксары: Руссика, 1994–2000).
- Борисов 1991 — Борисов Т. К. *Удмурт кыллюкам*. Ижевск: УдИИЯиЛ УРО РАН, 1991.
- БТАҺ I–X — *Башкорт теленең академик һүзлеге*. Т. I–X. Хисамитдинова Ф. Г. (ред.). Өфө: Китап, 2011–2018.
- ГТРАС I–II — Мәхмүтов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш. *Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре)*. Т. I–II. Казан: Иман, 1993.
- КумРС — Бамматов Б. Г., Гаджихметов Э. М. *Кумыкско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДагНЦ РАН, 2011.
- ПРС I–II — *Персидско-русский словарь*. Рубинчик Ю. А. (ред.). Т. I–II. М.: Русский язык, 1985.
- РОсС — *Русско-осетинский словарь*. Абаев В. И. (сост.). М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1950.
- СДРЯ — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Аванесов Р. И. (гл. ред.). Т. I–. М.: Русский язык, 1988–.
- СЛРЯ — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Бархударов Г. С. (отв. ред.). Вып. I–. М.: Наука, 1975–.
- Срезневский I–III — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. СПб.: Имп. Академия наук, 1893–1912.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. I–. М.; Л.: Наука, 1965–.
- ТРС I–II — *Татарско-русский словарь*. Т. I–II. Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А., Закиев М. З., Миннуллин К. М., Рамазанова Д. Б. (ред.). Казань: Магариф, 2007.
- ТТЗДС — *Татар теленең зур диалектологик сүзлеге*. Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Садыкова З. Р., Хәйретдинова Т. Х. (төз.). Казан: Татарстан, 2009.

¹² Преимущественно восточные срединные говоры (средне-восточный, ижский) и, возможно, тыловый говор верхнечепецкого диалекта в современной классификации.

- УдмРС — *Удмуртско-русский словарь*. Вахрушев В. М. (ред.). М.: Русский язык, 1983.
- УйгРС — *Уйгурско-русский словарь*. Кибиров Ш., Цунвазо Ю. (ред.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961.
- ЧРС — *Чувашиско-русский словарь*. Скворцов М. И. (ред.). М.: Русский язык, 1985.
- Bartholomae 1904 — Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1904.
- Benzing 1983 — Benzing J. *Chwaresmischer Wortindex*. Taraf Z. (Hrsg.). Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1983.
- Gharib 1995 — Gharib B. *Sogdian dictionary (Sogdian — Persian — English)*. Tehran: Farhang Publ., 1995.
- TschW — Moisio A., Saarinen S. *Tscheremissisches Wörterbuch*. Helsinki: Vammalan Kirjapaino, 2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адягаши 2005 — Адягаши К. *Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала*. Часть I. Debrecen: Kossuth egyetemi kiadó, 2005. [Agyagási K. *Rannie russkie zaimstvovaniya tyurkskikh yazykov Volgo-Kamskogo areala* [Early Russian borrowings of the Turkic languages of the Volga-Kama area]. Part 1. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2005.]
- Алатырев 1988 — Алатырев В. И. *Этимологический словарь удмуртского языка*. Буквы А, Б. Ижевск: НИИ при Совете министров УАССР, 1988. [Alatyrev V. I. *Etimologicheskii slovar' udmurtskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Udmurt language]. Izhevsk: National Research Institute of the Council of Ministers of the Udmurt ASSR, 1988.]
- Жуков 2010 — Жуков С. Т. История российского безмена. *Мир измерений*, 2010, 10: 52–58. [Zhukov S. T. The history of the Russian steelyard balance. *Measurements World*, 2010, 10: 52–58.]
- История татар, II — Хузин Ф. (отв. ред.). *История татар с древнейших времен*. В 7 т. Т. II. *Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань: РухИЛ, 2006. [Khuzin F. (ed.). *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* [The history of the Tatars from ancient times]. In 7 vols. Vol. 2: *Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'* [Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan: RukhIL, 2006.]
- Петряшин 2019 — Петряшин С. С. Русский безмен: материальность и (не)справедливость. *Живая старина*, 2019, 3(103): 24–27. [Petryashin S. S. Russian steelyard balance: Materiality and (in)justice. *Zhivaya starina*, 2019, 3(103): 24–27.]
- Пипуныров 1955 — Пипуныров В. И. *История весов и весовой промышленности России в сравнительно-историческом освещении*. М.: НИИвеспром, 1955. [Pipunov V. I. *Istoriya vesov i vesovoi promyshlennosti Rossii v sravnitel'no-istoricheskoy osveshchenii* [The history of scales and the weighing industry of Russia in a comparative historical perspective]. Moscow: National Research Institute for Weights and Measuring Instruments, 1955.]
- Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. М.: Восточная литература, 2001. [Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of Modern Standard Persian]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001.]
- РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. I–. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. [Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2007–.]
- Севортян 1978 — Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву Б*. М.: Наука, 1978. [Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu B* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and cross-Turkic stems that start with the letter B]. Moscow: Nauka, 1978.]
- ТТЭС I–II — Әхмәтъянов Р. Г. *Татар теленең этимологик сүзлеге*. Т. I–II. Казан: Мәгариф — Вақыт, 2015. [Äxmätjanov R. G. *Tatar teleneñ etimologik süzlege* [Etymological dictionary of the Tatar language]. Vol. 1–. Kazan: Mägarif — Vakyt, 2015.]
- Эдельман 2008 — Эдельман Д. И. Хорезмийский язык. *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература, 2008, 6–60. [Edelman D. I. Khwarezmian language. *Osnovy iranskogo yazykoznanija: sredneiranskie i novoiranskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya literatura, 2008, 6–60.]
- ЭСРЯ I–IV — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Трубачев О. Н. (пер. с нем. и доп.), Ларин Б. А. (ред.). 4-е изд. М.: АСТ, 2004. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar'*

- russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Trubachev O. N. (trans.), Larin B. A. (ed.). 4th edn. Vol. 1–4. Moscow: AST, 2004.]
- ЭСЧув I–II — Федотов М. Р. *Этимологический словарь чувашского языка*. Т. I–II. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 1996. [Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Vol. 1–2. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 1996.]
- Csúcs 1990 — Csúcs S. *Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990.
- von Gabain 1973 — von Gabain A. *Das Leben im uigurischen Königreich von Qocho (850–1250)*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1973.
- Horn 1893 — Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1893.
- Lokotsch 1975 — Lokotsch K. *Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs*. 2. Auflage. Heidelberg: Carl Winter, 1975.
- Scherner 1977 — Scherner B. *Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen*. Wiesbaden: Franz Steiner, 1977.
- Stachowski 2019 — Stachowski M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der türkischen Sprache*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2019.
- VEWT — Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1969.

Получено / received 11.08.2024

Принято / accepted 24.09.2024